К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ЛИЧНЫХ СВЯЗЕЙ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

(рецензия на монографию: Истер Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 255 с.)

УДК 93/94

Н.Н. МАКАРОВА

В рамках научно-издательского проекта «История сталинизма», призванного «содействовать преодолению советского идеологического и политического наследия» [4], в 2010 г. вышла книга профессора Бостонского колледжа Джералда Малкольма Истера «Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России». Автор попытался ответить на крайне сложные и важные вопросы о том, кто построил советское государство? Как эти люди заняли посты, обеспечивающие власть в новом государстве? Какова была основа для их притязаний на статус элиты? Как они представляли себе свою роль в новом государстве? Как влияло переплетение неформальных и официальных источников власти на развитие мощи государства? Как возникали внутриэлитарные конфликты и т.д.?

Англо-американская советология в течение всего послевоенного периода рассматривала сталинизм как важнейший объект изучения в советской истории, оценивая годы правления И.В.Сталина как время формирования основных черт советской системы [2, с. 288]. Автору монографии удалось найти нестандартный подход к вполне традиционной в истории проблеме. Истер попытался через систему личных связей и самоидентификацию элиты рассмотреть механизм советского государственного строительства. Первой научной моделью в изучении сталинизма стала тоталитарная парадигма с ее классической негативной оценкой. С середины 1960-х гг. англо-американское сообщество отказалось от политизированной тоталитарной модели в пользу ревизионизма. В середине 1980-х гг. в центре внимания «новой когорты» ревизионистов оказалось общество, а не политические механизмы. Рубеж XX – XXI вв. позволил углубить исследования. Дж. М. Истер успешно проанализировал политические механизмы советского государства сквозь призму неформальных источников власти.

Автор проделал титаническую работу, систематизировал разрозненные биографические данные, проанализировал деловую и личную переписку представителей региональной элиты и центра. Структурно монография состоит из трех частей, каждая из которых отвечает конкретным задачам. Так, в первой части «Структура и самосознание послереволюционной элиты государства» Дж. М. Истер рассматривает процесс возвышения провинциальных комитетчиков и реконструирует представления элиты о самой себе и о своей деятельности в государстве. Вторая часть монографии повествует о неформальных источниках власти в послереволюционном советском государстве, о системе личных взаимоотношений как механизме усиления власти и как способе ограничения власти. Третья – о конфликте между центром и регионами, вызванном различными позициями по вопросу о коллективизации и гибели провинциальных партийных комитетчиков.

Автор логично и стройно определил и охарактеризовал переплетение неформальных и формальных структур и их роль в рождении специфических механизмов государственного управления. Первый этап государственного строительства, по мнению Дж. М. Истера, включал создание новых административных органов, которые объединяли центр и провинцию. Это так называемый горизонтальный уровень. Второй этап включал перевод ведущих членов системы личных взаимоотношений из региона в центр (вертикальный уровень). В итоге это позволило «слабому послереволюционному государству развить потенциал территориального управления» [1, с. 85]. Автор не обошел проблему «умеренного блока», в который традиционно включают С.М. Кирова, Г.К. Орджоникидзе и В.В. Куйбышева.

Проблема личных связей в советской политической элите, их взаимоотношений является крайне сложной. Многие отечественные авторы поднимали данную

проблематику косвенно, но на цельное монографическое исследование так никто и не решился. Хочется отметить монографии О.В. Хлевнюка, в которых существенное внимание уделяется неформальным взаимоотношениям «хозяина» И.В. Сталина и его окружения как в центре, так и в регионах [5; 6]. Исследование Дж. М. Истер позиционирует как первую в западной науке работу о роли провинциальных руководителей партийных комитетов и отвергает упрощенную схему восприятия региональных элит как приспешников И.В. Сталина и режима в целом или как героев. Если последний тезис опровергнуть сложно, то попытки рассмотреть неформальные взаимоотношения в советской политической элите все же среди западных исследователей были. В частности, масштабное исследование английского историка С. Монтефиоре «Сталин. Двор Красного монарха» посвящено воссозданию биографии И.В.Сталина с 1929 по 1953 г. через призму его взаимоотношений с соратниками и членами их семей [3]. Книга интересна прежде всего обилием привлеченного архивного материала. В этом контексте в работе Дж. М. Истера недостаточно «иллюстративного материала» о представителях элиты. Фактический материал предложен слишком в обобщенном, теоретизированном виде, что не всегда оправданно. Так, раздел четвертый части второй «Руководители провинциальных партийных комитетов: коллективный портрет» составлен, по словам автора «из автобиографий и различных анкет, заполнение которых требовалось от руководителей провинциальных партийных комитетов... и дополнена сведениями из опубликованных мемуаров и биографий» [1, с. 57]. Такой разнообразный источниковый материал позволяет ярко «написать» коллективный портрет советских руководителей. Однако автор ограничивается лаконичными комментариями в отношении социального происхождения, профессионального опыта, уровня образования и грамотности представителей элиты. При этом Дж. М. Истер сам отмечает значение подобных изысканий в том, что они дают представление о статусе элиты в послереволюционном государстве. Именно подполье и борьба с «белыми» обособили изучаемую им группу от иных советских страт и слоев: «Региональные руководители считали, что они заслужили статус членов элиты благодаря своим прежним заслугам перед партией» [1, с. 27]. Руководители провинциальных партийных комитетов противопоставляли себя не только лицам, служившим прежнему режиму и позже вставшим на службу Советской власти, но и профессиональным революционерам-эмигрантам. Последняя категория, по словам автора, не пользовалась авторитетом в их глазах из-за того, что после 1905 года предпочла спокойную жизнь в эмиграции рискованной работе в подполье. Что же касается молодых большевиков, то они тоже не считались ровней закаленным бойцам, поскольку вступили в партию после 1917 г. Однако многие «старые и закаленные революцией и Гражданской войной» большевики в 1930-е гг. не прошли многочисленных сталинских «проверок». К концу 1930-х гг. сложилась группа местного и союзного звеньев, на которую опирался И.В. Сталин. Сталинской системе нужны были хорошие исполнители, для которых недопустимым было малейшее отклонение от указаний вождя. Основная тенденция кадровой работы Сталина в отношении своего окружения – это стремление соединить работу и жизнь сотрудника, использовать его профессиональные и личные качества. Стратегия выживания в сталинском окружении сводилась к безоговорочной поддержке курса И.В. Сталина, к соответствию тем критериям, которые он выдвигал по отношению к своим соратникам. Ни одно назначение на ответственную должность не происходило без согласия «хозяина». Несомненно, что личные взаимоотношения играли важную роль, также как и умение устанавливать хорошие отношения с коллегами. Вместе с тем, нельзя было ни с кем иметь настолько близких отношений, чтобы не вызывать подозрений в оформлении группировок.

Картину коллективного портрета региональной элиты можно было дополнить сведениями об участии в Первой мировой войне, т.к. возраст большинства представителей руководителей провинциальных парткомов предполагал их службу в царской армии, что влияет на процесс социализации личности, установление неформальных контактов среди сослуживцев, является цементирующим фактором для тех, кто служил. Возможно, стоило более детальнее охарактеризовать полученные профессиональные навыки представителей элиты до революции и после нее, т.е. до занятия высокой должности. Интересно было бы изучить вопрос о землячестве руководителей, т.к. в 1920–1930-е гг. по служебной лестнице часто продвигались земляки. Автор в этом контексте рассмотрел лишь «пересечение» представителей

будущей элиты на фронтах Гражданской войны и частично в Закавказье. Культура каждого региона индивидуальна, и она, несомненно, оказывала влияние на жителей, формируя ряд особенностей, присущих представителям того или иного региона. Одновременно можно было изучить интересы представителей элиты, хобби, увлечения – все это оказывает существенное влияние на складывание неформальных взаимоотношений. Следовало также рассмотреть участие в оппозиционных группах или иные «темные пятна» в биографии, которые использовались И.В. Сталиным как рычаги воздействия на подчиненных.

Таблицы, предложенные Истером, крайне интересны и репрезентативны, однако, многие известные данные, в том числе и биографические, в них не отражены. В частности, в таблице 2.2. на странице 60 указано, что ни социальное происхождение, ни образование А.А. Андреева не установлены. Многочисленные биографические и мемуарные свидетельства говорят об ином: А.А Андреев был выходцем из крестьянской среды, окончил двухклассную сельскую школу, но был при этом исключительно грамотным человеком. Истер также указывает на то, что представители элиты указывали квартиру как единственное место своего проживания, «а не поместье или особняк, в которых жили провинциальные руководители при старом режиме». Да, в официальных документах указывались квартиры, но возможности у региональной элиты были широкими. Практически у каждого была хорошая дача.

В таблице 2.4. на странице 62 Дж. М. Истер поднимает вопрос о репрессиях среди представителей элиты. Из 16 человек, о которых пишет автор, лишь трое (Гамарник, Гикало, Мирзонян) не были репрессированы, а об Андрееве и Иванове сведения отсутствуют. Кажется, вполне уместным было бы изучить, насколько репрессии коснулись не самих руководителей, а членов их семей. Так, А.А. Андреев репрессирован не был, но его жена Д.М. Хазан была арестована. Во время атаки против П.П. Постышева досталось и его жене Татьяне Постоловской, обличая которую, И.В. Сталин и его помощники наносили еще один удар по П.П. Постышеву. И.В. Сталин обвинил Т.Постоловскую в неблаговидном поведении в деле некой Николаенко. Была также расстреляна Е.Е. Эйхе-Рубцова и т.д. Хотелось бы увидеть более подробное описание и анализ относительно такой малоизученной фигуры, как В.Я. Чубарь.

В заключение Дж. М. Истер отмечает, что среди прочих факторов, повлиявших на оформление сталинизма как особой управленческой системы, значимую роль сыграло физическое уничтожение соперничавших с Москвой региональных центров элит. «Это была борьба вокруг разных вариантов авторитаризма, отличающихся официальным разделением власти между правителем и элитой» [1, с. 196]. В конце 1930-х гг. центр выиграл, а регионы проиграли, но новый баланс укрепился всего лишь на четверть века и был пересмотрен в период стагнации Л.И. Брежнева. Тогда региональные партийные элиты вновь взяли верх, добившись перераспределения политических и экономических ресурсов в свою пользу. В итоге «распыление власти по неформальным каналам стало одним из предварительных условий распада государства», состоявшегося в годы перестройки. Более того, «в конечном счете, советское государство распалось по тем же самым линиям, по каким оно было построено за шесть десятилетий до этого» [1, с. 203].

Все сказанное выше является очевидным аргументом в пользу того, что проблема изучения сталинского периода в отечественной истории, по-прежнему, остается актуальной, а «белых пятен» остается еще довольно много. Работа Дж. М. Истера продемонстрировала попытку нестандартного взгляда на советское государственное строительство.

1. Истер, Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России [Текст] / Дж. М. Истер. М.: РОССПЭН, 2010. 255 с.

2. Меньковский, В.И. История и историография: Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов [Текст] / В.И. Меньковский. Минск, 2007. 358 с.

3. Монтефиоре, С. Сталин. Двор Красного монарха [Текст] / С. Монтефиоре. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

4. Официальный сайт издательства «РОССПЭН» [Электронный ресурс]. URL: http://www.rosspen.su/ (дата обращения: 14.10.2011).

5. Хлевнюк О.В. Политбюро: механизмы политической власти в 1930-е годы. - М.: РОССПЭН,1996. 297 с.

6. Хлевнюк, О.В. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры [Текст] / О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2010. 479 с.